

Подорожник

Автор:

[Дарья Алавидзе](#)

Подорожник

Дарья Алавидзе

Люди, которые всегда со мной

Это не обычная книга о путешествиях. Колумнист National Geographic Traveler Дарья Алавидзе много ездит по разным странам и городам, но описывает не достопримечательности и музеи (об этом и так написаны сотни книг), а уличную живую жизнь и истории, которые происходят с ней по дороге. Именно так – «по дороге» – и составлялся «Подорожник» – дневник наблюдений за происходящим в интересных декорациях старинных городов и экзотических стран. Сюжеты из жизни простых героев, булочников, бродяг, деревенских сумасшедших, музыкантов, ворчливых старушек на улице, трогательных влюбленных студентов, фантазеров-дизайнеров, монашек и обычных прохожих складываются в лиричные истории, обрастают колоритными подробностями, перемешиваются с городскими легендами, сплетнями и историческими фактами. А израильская художница Регина Шафир на основе этих сюжетов создала замечательные и очень смешные иллюстрации.

Дарья Андреевна Алавидзе

Подорожник

© Д. Алавидзе, текст, 2018

© Р. Шафир, иллюстрации, 2019

Предисловие

У художника Питера Брейгеля есть картина «Падение Икара». Миф об Икаре известен абсолютно всем, поэтому, даже если не знать, как эта картина выглядит, то и не беда, вполне можно догадаться. Можно предположить, что на ней, вероятно, Икар на искусственных крыльях из перьев и воска падает с неба. Дерзкий герой, который бросил вызов богам и, опьяненный полетом, взлетел слишком высоко к солнцу, был жестоко наказан, испортил крылья, упал на землю и разбился.

Черта с два!

На картине изображен дивный брейгелевский нидерландский пейзаж, пахарь идет за сохой, и лемех сохи, врезаясь в землю, делит ее на четкие полосы. Пастух следит за стадом овец, устало опершись на посох, на берегу рыбак сосредоточенно закидывает сеть. В море, покрытое белыми гребешками волн, выходят корабли, а ветер надувает их паруса. Высоко в небо поднимаются скалистые горы. А вдали раскинулись города. Садится солнце. Оно отражается в зеленоватых водах моря.

Икара нигде нет.

Если долго и внимательно вглядываться, то можно заметить, что в правом нижнем углу, у самого берега, видны торчащие из воды ноги, а рядом плавают остатки птичьих перьев. Их, вообще говоря, очень легко пропустить, потому что Брейгель специально написал их так, чтобы они сливались с белесыми барашками волн.

Да, собственно, работяги на картине их и не замечают. Все занимаются своими делами.

Это одно из самых остроумных произведений искусства. Разные искусствоведы объясняют эту картину по-разному. В основном, конечно, подчеркивают

трудолюбие народа Нидерландов и осуждение безумной гордыни тех, кто «слишком высоко взлетел».

Но мне нравится думать, что идея здесь в том, что, какие бы события ни происходили в мире, какие бы эпические катаклизмы ни случались, какие бы ни творились чудеса, люди продолжают жить своей жизнью, сосредотачиваться на своих маленьких делах, зависеть от своих собственных маленьких обстоятельств, и это самое главное.

Они смешные, трогательные, злые, открытые, завистливые, наивные, работающие, любящие, да всякие. Где бы то ни было, жизнь идет, и мы ее живем. На этой неизменности бытия и держится мир.

Порой все самое интересное случается в совершенно обычных, повседневных обстоятельствах и декорациях. Случайные встречи, мимолетные знакомства, неожиданные беседы.

Я пишу колонку в журнал «National Geographic Traveler». Совершенно нагло и без малейших угрызений совести я украла у Брейгеля его чудесную идею. Его картина «Падение Икара», несмотря на название, вовсе не про падение и не про Икара, а про жизнь и про людей.

Вот и моя колонка имеет очень мало отношения к национальной географии. Она тоже в общем-то про жизнь, про людей и про то, как важно в путешествии не уходить с головой в томик Миклухо-Маклая (ну хорошо, в путеводитель «LonelyPlanet», кому что), не учить наизусть, в каком году Марк Агриппа построил первый римский Пантеон (хотя это тоже очень полезно), а поднять голову и постараться не пропустить то, чем живут его (Марка Агриппы) потомки и сограждане. Как любят, во что верят, чем вдохновляются, в какие переделки попадают. Все эти мимолетные столкновения и складываются в одно общее впечатление от места.

Я записываю истории по дороге. Поэтому талантливейшая художница Регина Шафир, иллюстрирующая все мои статьи, придумала этому всему название «Подорожник».

Огромное ей за это спасибо!

Нью-Йорк

В популярной химии есть такой опыт: перекись водорода смешивают с йодистым калием. При этом очень эффектно выделяется кислород, и можно просто смотреть, как это все дымит, можно что-нибудь поджечь, а если добавить в смесь моющего средства для посуды, повалит густая пена. Со стороны выглядит завораживающе: две абсолютно ничем не примечательные субстанции наливаются в стакан, а оттуда – йииихааа – на тебя выпрыгивают кубометры чего-то совершенно неожиданного.

Точно так же можно описать все лучшее, что происходило в моей жизни. Когда в самых непримечательных обстоятельствах в самом обычном городе встречаются обычные люди... то иногда из этого рождаются лучшие разговоры, самые интересные идеи, самые безумные поступки, бурлящие потоки практически осязаемой энергии.

В Нью-Йорк я приезжаю каждую зиму. У меня там живет часть семьи, с которой я отмечаю праздники, друзья, которые устраивают лучшие рождественские вечеринки, я хожу на выставки в МоМА, катаюсь на коньках в Брайант-парке, слушаю джаз в Dizzy club, а также немножечко нелегально посещаю все спектакли «Метрополитен-опера» по студенческому билету своей сестры, студентки Университета Колумбии. Нью-Йорк – это город, который может предложить все что угодно любому самому избалованному туристу. Это столица моды, гастрономии, музыки, клубная, экономическая, литературная, джазовая, да какая угодно столица.

Но иногда все самое интересное происходит совершенно на пустом месте.

Однажды я ехала к себе домой в Гарлем с «Турандот». Полночь, в метро дым коромыслом. Экспресса долго не было, на платформе на локальную ветку метро собралась толпа разномастного народа: подростки, нарядные граждане из театров, обычные люди с поздней работы. Никто не обращал ни на кого внимания. По платформе телепался паренек самого неприятного возраста и что-то сам себе напевал. Вообще в Нью-Йорке люди много поют для своего удовольствия, на улице, в метро. Я даже смотрительницу в Метрополитен-музее видела, которая читала какой-то рэп себе под нос. А уж у нас в Гарлеме такое сплошь и рядом. Вообще никого не удивишь.

Другое дело, что для этого требуется особый драйв, тут вам не Большой зал Консерватории имени Чайковского, просто создавать музыку недостаточно. Тут нужно уметь людей собой заразить, передать им свой ритм, свою волну, зажечь своим огнем, втянуть в свою крейзу. Я лично считаю, что тем, кому подвластна толпа в нью-йоркском метро, не страшен и Карнеги-холл.

А у этого паренька совсем не получалось. Вообще, если честно, он по всем объективным показателям вряд ли пользовался огромной популярностью. Уже в этом возрасте у него было совершенно лишнее пузо, щеки такие серьезные, какие-то лузерские серые спущенные треники, непонятного вида толстовка с капюшоном, полиэтиленовый пакетик в руках. Полиэтиленовый! Пакетик! Все какое-то несуразное. И почему-то огромный желтый шарф. И самое главное, голоса-то нет. Ну вот нисколечко. Мне даже как-то стало его жалко.

А вот ему на мою жалость было глубоко наплевать, поэтому он продолжал напевать. Мы всей толпой вошли в вагон, заняли свои места и поехали. И паренек разошелся, он вдруг во весь голос запел: «We are building it up to break it back down» – это из песни Linkin Park «Burn it down».

Пассажиры поездов в Гарлем – ребята закаленные, и не к такому привыкли. Поэтому никто даже внимания не обратил. Мне как-то стало обидно. Человеку, может, лет пятнадцать. Старается, хочет выделиться – тинейджер же, ищет себя, ищет поддержки. Но народ сидел совершенно равнодушно и ничем не выдавал ни раздражения, ни удовольствия.

И вдруг сидящий в том же вагоне парень (ослепительный, ослепительнейший мышцатый красавец, аж голова закружилась) в какой-то очень удачный момент крайне смачно на весь вагон ввернул «yeah, s'top» и ногой начал отстукивать ритм. Именно с той самой харизмой, которой недоставало солисту, с харизмой, которой достаточно, чтобы повести за собой толпу. Толпа встрепенулась и уставилась на красавца. Кто-то начал улыбаться.

Компания девчонок напротив принялась раскачиваться, пуская волну, как на настоящем рок-концерте. Кто-то сзади стал отстукивать ритм ногами, хлопать в такт. Паренек, видя такую поддержку, запел с удвоенной силой. Куда девалась вся его несуразность? Там в песне есть момент, где солист переходит на рэп. Так вот, парнишка совершенно самозабвенно прокричал его на весь вагон, светясь от счастья. Стоящие рядом девчонки начали изображать подтанцовку.

Последний куплет пели всем вагоном. Если бы у меня была гитара, то я бы разбила ее об пол. Когда парень допел до конца, как раз была его остановка, мы все устроили ему овацию. Кто-то оглушительно засвистел.

Он раскланялся и вышел. Ну то есть в вагон он зашел несуразным тинейджером, а вышел суперзвездой, только что пережившей главную минуту славы.

А все немедленно занялись своими делами: уткнулись в киндлы, в телефоны, в газеты, отвернулись к окну. Как будто ничего не случилось. Я ехала еще две остановки и смотрела на них: на ослепительного красавца, который все это начал, на толпу, которая с таким удовольствием его поддержала. Обычная толпа в обычном метро. Какой... ну какой химией объяснить то, что тут только что произошло?

Меня часто обвиняют в любви к попсе и банальности. А любить Нью-Йорк – это банально и попсово. Поэтому скажу так:

Гарлем (промежуток от Коламбуса до 145-й улицы), я люблю тебя!

Нью-Йорк

Когда я собиралась в Нью-Йорк, я и не представляла себе, что будет так холодно, поэтому не взяла с собой приличной теплой одежды. Пришлось стащить у сестры вязаную шапку, похожую на гигантский голубой презерватив, ну и, конечно, павловопосадский расписной платок на шею. Нарядилась вот так да и вышла в январские вихриснежныекрутя. Хотя должна сказать: так как жила я в Гарлеме, мы с моим голубым презервативом и платком в розочку оказались не самые там оригинальные.

Я ехала в метро из Центрального Гарлема на Коламбус. В метро зашла женщина с коляской, в которой визжало аж трое детей. У меня у самой есть очень энергичный мальчик, поэтому я всегда сочувствую матерям, которые не могут

унять своих детей в общественных местах. Мальчики в коляске орали, разбрасывали миндаль и крекеры в сидящих вокруг, пытались вылезти из коляски, дрались. В конце концов мамаша устала их успокаивать и обессиленно расплакалась.

Я сидела напротив, максимально по-доброму ей улыбалась и думала про себя: «Пусть только попробует кто сделать ей замечание, вот только пусть хоть какая-нибудь сволочь встанет и попробует хоть что-то сказать. Я в хорошем настроении, поэтому, если надо, поворочу за нее реки вспять. Не стоит со мной связываться, когда я в хорошем настроении».

Через весь вагон к нам направился какой-то решительный парень с огромнейшим рюкзаком. Я мысленно построила войска и приготовилась к отражению любого нападения. Поравнявшись с нами, он нырнул в рюкзак, достал оттуда детскую книжку, присел на корточки и начал дурачиться, показывать детям картинки и весело разыгрывать сценки разными голосами.

Дети успокоились, заулыбались, а мамаша опять расплакалась, уже от радости. И весь вагон вздохнул спокойно. Когда она выходила на 125-й улице, парень отдал ей книжку с картинками: «Возьмите, мне больше не нужно». И подсел ко мне.

Я была ужасно рада, что все мирно закончилось, поблагодарила его и спросила, как его зовут.

– А тебе-то какое дело?

Мне захотелось фантазийно соврать, поэтому я ответила:

– Я писательница, вставлю этот эпизод куда-нибудь.

Он с интересом оглядел голубой презерватив у меня на голове и платок в розочку.

– Меня зовут Джордж. Меня в Рождество бросила девушка. Я специально купил ее дочке книжку с картинками, и, вот видишь, не пригодилось... Она даже не пришла ко мне. Я так и сидел как дурак один. Один! В Рождество! Всегда один!

Надеялся, мы втроем посидим, как семья. Так люблю ее. И девочку тоже. Так люблю. А теперь что мне осталось? Поеду вот из Нью-Йорка, не могу пока здесь. Все болит, все напоминает. Напиши про меня. Пусть в этом году мне повезет.

Вот пишу. Джордж, бро. Повезет! Верь мне, я знаю. Обязательно повезет! Не может не.

Нью-Йорк

В один из приездов в Нью-Йорк мы с друзьями пошли в джаз-клуб. Это было какое-то событие века. Какой-то необычайно известный джазовый музыкант отмечал какой-то юбилей на сцене и пригласил каких-то тоже, видимо, известных музыкантов поиграть какую-то всем известную музыку в очень известном всем нью-йоркским любителям джаза клубе.

Не то чтобы я не люблю джаз. Как раз наоборот. Очень люблю. А джаз-клубы – это такие места, где музыки всегда гораздо больше, чем нот. Там между нотами есть еще сиюминутное переживание, классический новоорлеанский задор, свободные импровизации пианистов, лихой кураж вокалисток. Музыканты все-таки самые счастливые люди на свете. Это они подчиняют себе музыку, тогда как во всем остальном мире – наоборот.

Джон Коувенховен, автор книг об истории Нью-Йорка и американского искусства, писал: «Сама архитектура небоскребов полностью повторяет спонтанно-чувственную и в тоже время строгую по форме созидательную атмосферу джаза. Не случайно время постройки первых „высоток“ и время расцвета джаза в Нью-Йорке хронологически совпадают...»

По данным ассоциации музыкантов Нью-Йорка, в городе сто пятьдесят тысяч музыкантов, из которых больше двух десятков тысяч – джазовые. Сейчас джаз можно послушать в самом респектабельном кафе «Карлайл», где каждый понедельник на кларнете играет Вуди Аллен в составе группы The Eddy David New Orleans Jazz Band, можно зайти в самые популярные Blue Note или Village

Vanguard, ну или в любой из сотни других джаз-клубов Нью-Йорка.

Сейчас в Гарлеме в районе западной 129-й улицы стоит музей истории гарлемского джаза.

Так что джаз я очень люблю. Просто в этот раз мы пошли туда не по велению сердца, не для того, чтобы удовлетворить внутреннюю потребность, – нас вела директива снаружи. Весь Манхэттен был там, и мы с компанией не могли позволить, чтобы вечеринка прошла без нас. Кто играет? Да, в общем, какая в этом случае разница.

Мы пришли в забитое под завязку заведение, отстояли в очереди полтора часа, чуть было не ушли, и вот наконец нас посадили за столик. Я, разумеется, в первую очередь начала глазеть на публику. И тут... Мама дорогая! За соседним столом сидела великая оперная дива Рене Флеминг, примадонна, поющая на лучших оперных сценах мира. Я только вчера видела ее в «Веселой вдове» в «Метрополитен-опера», а тут она собственной персоной. Совсем одна!

Начался концерт. Рене Флеминг сидит, подтанцовывает, подпевает, пьет коктейль. Мне нехорошо. Отчетливо давит на позвоночник осознание того, что надо что-то сделать. Подойти сказать: «Вы самая лучшая Русалочка в мире. А также Лауретта, а еще вот вчера во «Вдове» вы были великолепны! Bravo!»

Да вроде невежливо. Человеку хорошо, а тут я мешать буду. Предложить купить ей шампанского? Как-то глупо. Попросить селфи с ней? Да ну, никогда.

Ну почему же публика не реагирует? Какой-то хипстер горлопанит на сцене, кому он нужен, когда тут Рене? Неужели все осознают, но просто стесняются?

Тут, пока я колебалась, к ее столику подошел симпатичный мужчина. Ну наконец-то! Хоть один не вытерпел. Пусть оплатит ей счет, попросит автограф и за нас всех, нерешительных идиотов, скажет, что она великая дива.

– Я вас уже не первый раз тут вижу, вы любите джаз? – спросил мужчина.

- Очень! Я так боялась не попасть на юбилей <имя человека, который был на сцене в это время, и которое я не то что забыла, а просто и не знала никогда>. Когда я первый раз услышала эту песню двадцать лет назад, они пели ее совсем по-другому. Это была их первая пластинка, которую я купила.

- Надо же, я не думал, что кто-то, кроме меня, обратит внимание, что второй куплет они изменили. Лихо они тут обработали вот этот кусок, согласен. У вас тонкий слух, вы что - тоже занимаетесь музыкой?

- Немного, - скромно улыбнулась ему Рене Флеминг.

Мне кажется, что эта история - она про все сразу. Про то, что в музыке нет границ и делений. Композитор Россини говорил: «Все жанры хороши, кроме скучного». Эта история про настоящую джазовую импровизацию, про спонтанность, про талант, открытый миру, ну и самое главное - про единственное место в мире, где такое вообще возможно, - про город Нью-Йорк.

Фенхуан

Однажды некий путешественник, который интересовался песнями, стихами и живописью, скрючившись в маленькой лодочке, путешествовал по этой реке почти месяц - и не пресытился! А все потому, что места здесь были дивные, ведь именно здесь природа в полной мере смогла проявить свое бесстрашие и тонченность. Ничто в этих краях не оставляло равнодушным.

Шэнь Цунвень. Пограничный городок

У меня сложные отношения с китайским искусством. С третьего курса муж заставляет меня прочесть Сунь Цзы «Искусство войны», а также периодически истязает Джетом Ли и прочим летающим шаолинем. Моя лучшая подруга - истый

фанат Вонга Кар-Вая. Когда-то, лет десять назад, я решила ознакомиться, что за Кар-Вай такой, и для первого раза выбрала самое, на мой взгляд, красивое и романтическое название – «Счастливы вместе», как раз для приятного семейного вечера. Открывался фильм сценой гомосексуального изнасилования в общежитии для нелегальных иммигрантов на границе Аргентины и Парагвая.

Но вот классические пейзажные картинки китайской жизни меня совершенно завораживают. Я люблю романы нобелевской лауреатки Перл Бак про крестьян, выращивающих рис, я люблю классический «Сон в красном тереме», все вот эти восточные сказки и легенды, где логика и здравый смысл принесены в жертву образности, символизму, распевной обреченности и неспешной простоте.

Ну или вот китайский классик Шэнь Цунвень, написавший наивную сказку про девочку с изумрудными глазами Цуй-Цуй, которая сидит на берегу реки Тоцзян и ждет сладкоголосого любимого, который все никак не идет.

Поэтому в свободные три дня в Китае я решила поехать в высокогорную провинцию Хунань. На родину Шэня Цунвеня, в самый красивый старинный китайский город Фенхуан. Из города Чжанцзянцзе до Фенхуана нужно ехать горными серпантинами пять часов. Вдоль залитых водой рисовых террас, на которых уже на рассвете, в семь утра, кто-то что-то мотыжил, выгуливал волов с огромными рогами (я вот сейчас специально погуглила про волов – они!). Удивительное зрелище, больше похожее на мосфильмовскую декорацию. Абсолютно нетронутый цивилизацией уголок. И в нем затерялся старинный городишко на реке, по которой вдоль разваливающихся домов на сваях и древних пагод плавают деревянные рыбацкие лодки.

Это совершенно удивительное чувство – гулять по городу пешком среди людей, которые не понимают ни слова из того, что ты говоришь, и смотрят на тебя, как на несчастного, которого терзают бесы. И в ответ издают звуки, которых не понимаешь ты. Когда незнакомые иероглифы осуждающе хихикают, глядя на тебя с витрин вокруг: «А, хотел привычного английского языка? Хотя бы каких-нибудь табличек „open, stop, restaurant, we accept credit-cards“? („Открыто, стоп, ресторан, мы принимаем кредитные карты“.) Гыгыгы, ну-ну, ориентируйся теперь по запахам, дурачина».

А ты, словно странный дикарь, заброшенный в другой мир, пытаешься жестами и глупыми улыбками убедить всех вокруг, что пришел с добром. У меня на телефоне есть приложение, которое понимает китайскую речь и умеет

произносить по-китайски то, чего я от него требую, но на мою беду (ну или на мое счастье, такой вот парадокс) в этом городе совершенно отвратительная мобильная связь и, соответственно, нет Интернета. Кроме того, ворота Старого города открыты только для пешеходов. То есть упорядоченное дорожное движение, которое хоть как-то может помочь в освоении пространства, тоже отсутствует. И вот, когда рухнули все опоры, поддерживающие твое существование в обычном мире, – язык, навигация, современная организация пространства, понятные образы на улицах – вдруг, в этой абсолютной потерянности, открывается невероятная свобода. Ты становишься настоящим исследователем. Все планы рухнули, ничто вокруг тебе помочь не может, поэтому ты рад любому результату. Приехал вроде как туристом, но, сам того не ожидая, открыл внеземную цивилизацию.

Центр города – это лабиринт старинных улочек, мощенных камнем, неаккуратно громоздящиеся друг на друга деревянные домишки с покатыми черепичными крышами; щедро наброшенные на провода и причудливо свисающие как будто бы с неба китайские красные зонтики. Через весь город протекает мутная зеленая река, по которой туда-сюда снуют узкие китайские лодки. И люди до сих пор ходят с корзинами за спиной. Старые женщины Мяо в традиционных черных головных уборах, стирающие белье прямо в реке, мужчины с корзинными коромыслами, дети, играющие в какие-то причудливые казаки-разбойники.

Таксист, который привез меня в Фенхуан, по-английски разговаривал очень плохо, поэтому донес до меня только одну, но самую важную информацию: в городе всего одно кафе, где варят нормальный несладкий кофе. В нем рано или поздно оказываются все европейцы, приехавшие сегодня в город. Когда я его нашла, то засела там отдохнуть, и уже через пять минут ко мне присоединился дизайнер из Амстердама Томми, который по окончании университета решил следовать за своей страстью. В то время это были восточные философии и азиатская красота. Он приехал в Гуйлинь и открыл свою студию. И теперь довольно успешный бизнесмен. Естественно, я вцепилась в него мертвой хваткой. Все-таки двухметровый блондин голландец, которого легко локализовать в толпе китайцев и который прекрасно говорит на мандарине, – это лучшее, что может случиться с тобой в этой глуши. В этот день судьба забросила в Фенхуан только двух англоговорящих туристов – меня и Томми.

Вместе мы зашли в дом Шэня Цунвеня, побродили по старым дворикам, поскакали по камням через реку. Томми научил меня мыть посуду только что

заваренным чаем. Традиция такая, ну и из соображений гигиены. Я вспомнила, что видела, как местные моют посуду прямо в реке, поэтому согласилась, что традиция эта очень нужная и полезная.

Проходя мимо сувенирной лавки, мы увидели магнитик в виде белой китайской вазы, расписанной синими узорами. Втроем с китайским продавцом мы составляли все звенья преступной гжельской цепи. У китайцев идею расписывать фарфор синей кобальтовой глазурью украли голландцы, так родился делфтский фарфор. А уж у них это украли и выдали за свое русские во главе с Петром Алексеевичем; так гжельская керамика стала бело-синей. И вот наконец настал тот исторический момент, когда русский и голландец, стоя перед витриной китайского магазина, таки устыдились содеянного и сполна расплатились за кусок дешевой пластмасски, имитирующей культурно-значимый для всех трех наций бело-синий фарфор. Пятнадцать, между прочим, юаней.

Мы сели в уличную забегаловку поесть. Я попросила Томми заказать мне какой-нибудь нестрашной еды. Нам принесли пельменей из свинины.

Мы сидели и обсуждали Петра Первого и эту хохму про гжель.

– Мне кажется, мы не очень сильно тогда подорвали китайскую экономику, раскрашивая тарелки синими узорами. Все равно их никто не покупает. Какова доля всей этой посуды в национальном обороте? Мизер. Вот если бы кто-нибудь украл у китайцев пельмени... – Он сделал широкий жест в сторону моей тарелки. – Пельмени – это другое дело. Посмотри, каждый второй тут ест пельмени. Как странно, что никто не украл идею пельменей у китайцев.

– Действительно. Очень странно, – немедленно и очень правдоподобно согласилась я.

Мы запили это дело чаем с имбирными карамельками. Имбирные карамельки – местный специалитет, их тут вручную делают на каждом углу.

В классическом даосизме у человеческой души есть две ипостаси – «хунь» и «по». Так вот город Фенхуан вывел мой, извиняюсь, хунь и мое по на совершенно новый уровень. Это волшебный край настоящего древнекитайского очарования. Как и много веков назад, через него течет река Тоцзян, в которой утром женщины моют овощи и посуду, стирают белье. Вдоль реки стоят старинные домики на бамбуковых сваях. Вечером, когда ее окутывают сумерки, жители зажигают красные бумажные фонари, свисающие с крыш, и сквозь таинственный туман река расцветивается миллионом красных огней. Как крыло огненного Феникса, который до сих пор охраняет традиции и древние сказки своего города.

Неудивительно, что такому городу достались такие певцы красоты, как Шэнь Цунвень и я. Уж кто-кто, а мы-то в этом кое-что понимаем.

Флоренция

Когда я только начинала учить итальянский язык, мне дали лучший совет – приставать ко всем подряд на улицах Италии. Увидел прохожего – не зевай, атакуй. Спроси: «Сколько времени?» или «Как пройти в галерею Уффици?», «Между прочим, Давид-то у вас тут на площади ненастоящий, а? каково?», «Вы не знаете, где тут подают самую вкусную риболлиту?», «А, между прочим, знаете ли вы, что помидоры завезли испанские конкистадоры из Америки в Италию, а вовсе не наоборот?» (до этого, слава богу, так ни разу и не дошло). Но вообще, все именно так и работает – там с соседом словом перекинешься, здесь схохмишь, на рынке с зеленщиком поругаешься, в очереди с кем-нибудь языками зацепишься, вечером за местную футбольную команду поболеешь. Так, глядишь, и наберется словарный запас.

Поэтому, когда я приехала первый раз во Флоренцию, то, чтобы познакомиться как можно с большим количеством соседей, сняла квартиру в самом обычном доме. Ну как, в самом обычном... недалеко от площади Синьории, на виа дель Ангиллара. Каждый вечер я открывала ключом тяжеленную дверь в средневековый дом, тянула на себя чугунную ручку и поднималась по узкой винтовой лестнице на последний этаж. Мне с него открывались потрясающие виды на терракотовые черепичные крыши города, и каждое утро меня будила кампанила Джотто, колокольня собора Санта-Мария-дель-Фьоре. А буквально в

двух шагах стоит церковь Санта-Кроче, где похоронены Галилео Галилей, Россини, Микеланджело, Макиавелли, а также польский композитор, автор самого знаменитого полонеза, Михаил Огинский.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/alavidze_dar-ya/podorozhnik

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)